

НАПИШИТЕ О НЕМ ПОЭМУ

Спросите старожилы о наводнении, постигшем Ереван в первый послевоенный год, и они расскажут вам о снесенных и разрушенных домах, о нагромождении скал вдоль трамвайных линий, нарушившем на несколько дней движение транспорта.

Отныне, если мне придется вспоминать об этом, то лишь в сплетении с другой, по-настоящему трагичной историей.

В случайной беседе узнал я об одном художнике. О его картинах и судьбе. Колебался лишь минуту. С чего начать? С визита к самому художнику или осмотра его картин, которые, как объяснили мне, выставлены в зале Союза художников. Решил сперва посмотреть картины.

— Вы опоздали, молодой человек, выставка закрылась вчера, — огорчил меня служитель. — А жаль, было много интересного... Особенно картины Корюна Никогосяна...

Узнав, что именно его картины меня интересуют, объяснил: — Московская комиссия отобрала для всесоюзной самодеятельной выставки пять работ художника, и сейчас они в Доме народного творчества.

Дом народного творчества в Ереване — это одновременно и музей. Полторы тысячи экспонатов, несколько сотен художников. Я сказал, что хочу посмотреть картины одного из них... И здесь словно в воду глядели: «Корюна Никогосяна?»

Сюжеты холстов Никогосяна оказались предельно просты: сельский пейзаж с традиционным родничком; юноша, а рядом керосиновая лампа и клубок ниток; ослики среди стогов сена; мать, прижимающая к груди младенца. Почему же так трудно отойти от них? Светлые, мягкие тона? Нет. Главным образом то, что художник, открывая для себя мир, по-детски удивляется своим открытиям. Это удивление, очевидно, передается зрителю.

Я понял, почему так настойчиво повторяет Сарьян: «Каждое произведение должно таить в себе удивление и восторг» и «способность удивляться — одно из величайших даяний природы».

Спусти час я разыскал дом, в котором живет Корюн Никогосян. На третьем участке, как до сих пор называют промышленные районы Еревана, на прочных железобетонных «сваях» стоит утопающий в зелени особнячок. Никакой селав (так здесь называют наводнение) уже не смоеет это прочное строение. Да, о селаве в этом доме никогда не забывали.

...Шестилетний Корюн метался в горячке. Скарлатина. Мать накрыла ребенка вторым одеялом, тревожно прислушиваясь к раскатам грома, шуму ливня. Отблеск молнии ворвался в дом, скользнул по лицу больного. Потом раздался страшный грохот Ураганный ветер сорвал дверь, вода ворвалась в дом. Схватив ребенка, она выбежала на улицу. Позади что-то грохнуло. Она обернулась и увидела, как рухнул потолок. В этот момент мощный поток воды сбил ее с ног, выхватил у нее из рук и унес ребенка. Мать закричала истуканно и потеряла сознание...

Врачи отстояли жизнь мальчика. Жизнь отстояли, здоровье — нет. Его разбил паралич.

Пять лет его носили в школу. Учился хорошо, но в каждом взгляде прохожих читал: «несчастный», «инвалид», «калека». И вот он добровольно заключил себя в четырех стенах. Не разрешал, чтобы выносили его на улицу. Уже 15 лет он видит мир лишь в окно.

...Корюн сидел за небольшим столом, по-ученически сложив перед собой руки. Сведенные ноги покоились на мягкой подушке. Смушенная улыбка, растерянный взгляд: он еще не привык к визитам незнакомых людей. Над головой сверкают его работы: пейзажи, натюрморты, портреты. В правом уг-

лу каждой картины выведено: «Корюн», а слева помечены даты их создания. В основном, последние 3—4 года.

А что было раньше? Депрессия. Он был лишен всех радостей жизни. Не ел днями, потому что даже есть ему было нестерпимо больно. Он с ненавистью смотрел на свои руки и ноги. «Лучше бы их вовсе не было — тогда можно было сделать протезы».

Однажды, измученный тяжелыми думами, он наблюдал, как племянники рисуют. Захотелось попробовать и самому. Дождался, когда ребятишки легли спать, дотянулся до карандаша, вложил его левой рукой между большим и указательным пальцами правой, затем левой рукой отодвинул правую в сторону и начал работу. Получается? Получается!

С тех пор он по многу часов в день отдавался этому занятию. Он мог бы работать больше, но жалел мать. Бедная женщина часами стояла рядом и передвигала бумагу, поворачивая по часовой стрелке. Корюну и эта операция была не под силу. Затем в доме появились акварельные краски. Чуть позже он попросил купить масляные.

Конечно, будет неверным говорить, что его картины полностью избавлены от печати горечи. Ведь в конце концов, что бы художник ни писал, он пишет самого себя. Но посмотрите, с каким упорством художник, волею случая обреченный на неподвижность, изображает себя в автопортретах здоровым, веселым, энергичным, с воюющей кистью в руке!

Однажды картины Корюна увидела Нора Бабалян — врач районной поликлиники. (Сейчас на стене, на самом видном месте, ее портрет). Увидела и решительно направилась в Союз художников: «поскандальить».

Скандалировать не пришлось. Рубен Парсамян — тогда председатель союза, тут же приехал

к Корюну. Потом он приехал еще и еще. Подарил юноше этюдник, краски, кисти, холсты, книги по искусству, заинтересовал других художников. И вот уже в домик Корюна спешат О. Зардарян, Е. Кочар, М. Аветисян, Н. Котанджян. Теплое письмо написал Корюну Сарьян.

Многое удивляло людей в Корюне. Одних — техника его письма, другие удивлялись самобытности восприятия им жизни — жизни, ограниченной квадратом окна. И всех без исключения поражаало одно — мужество, сила человеческого духа.

Я хорошо помню, с какой настойчивостью просил меня один из художников: «Напишите о нем поэму». Не трагедию или драму, не очерк или статью, а поэму.

Радость творчества, сознание, что он нужен обществу, отеснили личное горе Корюна Никогосяна. Но именно теперь он нуждается в еще большей помощи и поддержке. Заявив о себе как о художнике, он испытывает страх — сумеет ли работать лучше, расти, оправдать надежды.

Какое бы участие ни принимали в его судьбе художники, это старания одиночек. Корюн не имеет даже медицинской коляски. Ему нужны путевки в санаторий, где он никогда не бывал. Ну, а главное — ему надо всюду бывать, больше общаться с людьми, ибо сегодня разрыв с натурой — наиболее уязвимое в его творчестве.

Наконец, общественности следует видеть его картины. Некоторые из них выставались в экспозиции работ народных умельцев. Пять отобранных для показа на Всесоюзной выставке в Москве. Затем они, по-видимому, будут направлены в другие города страны. Я бы хотел, чтобы увидевшие эти работы откликнулись, написали автору.

Николай Островский не раз утверждал, что он не создал бы свой второй роман, если бы не поддержка его многочисленных корреспондентов, не помощь, не участие в его судьбе самых разных организаций, от которых формально такого участия вроде бы даже и не требовалось. Сегодня во всем этом нуждается Корюн Никогосян.

А. КАКОСЯН,

СЛЕПОЕ СЕРДЦЕ